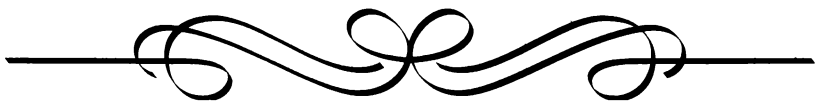

Глава XXII

*Наследие Ивана
в России*

Неразбериха, царящая до сих пор в оценках правления Ивана являет собой один из самых наглядных примеров вредного влияния идеологии на историографию. Изображения Ивана царствования были искаженными почти с самого начала, хотя это не относится к Карамзину, первому профессиональному русскому историку, который был интеллектуально честен, хотя в душе и оставался романтиком. В первой половине царствования Иван IV представляется ему блестящим молодым человеком, пользующимся любовью и уважением жены, идущим по правильной стезе, которая была указана ему его достойным другом Адашевым и суровым священником Сильвестром. Но когда супруга Ивана умерла, говорит Карамзин, царь дал волю своим дурным наклонностям и превратился в демона.

Объяснение Карамзиным роли Ивана в русской истории было недостаточным, ибо в нем отсутствовало политическое и моральное оправдание его жестокости, основанное на положительных результатах деятельности царя для страны и ее народа. Таким образом, с точки зрения распространенных в свое время умственных течений, следовало разработать теории, которые позволили бы представить ход событий как закономерный и ведущий к определенным положительным результатам. Наиболее влиятельное из этих течений, преобладавшее в XIX и почти на всем протяжении XX века, исходило из

наличия в России могущественной аристократии, которая нуждалась в защите своей власти от посягательств царского абсолютизма. Эта аристократия была эгоистичной и реакционной, она ставила собственные интересы выше «национальных». Названная теория породила такое толкование русской истории, согласно которому реакционная княжеско-боярская аристократия держалась за свои обширные старинные «уделы» со всеми их привилегиями и противилась усилиям централизованного государства и прогрессивного дворянства или служилой знати, которая поддерживала царскую власть и зависела от нее, а также стремилась осуществить стоящую перед нацией задачу расширения территории. Деспотические поступки царя были продиктованы необходимостью добиться победы государства (в лице царя) и служилой знати над боярами.

Такое историческое объяснение господствовало в период с 40-х по 70-е годы XX века под общим контролем Сталина¹, а в дальнейшем подверглось критике² прежде всего потому, что в его пользу было мало доводов, и по мере ослабления централизованного партийного контроля над духовной жизнью СССР в исторической науке стали появляться отклонения от партийной линии³.

В конце концов, более тщательное исследование материала источников привело историков к выводу о том, что доказательств предполагаемой политической «борьбы» между аристократами и служилой знатью не существует, так как скрытые центроостремительные силы действовали независимо от их классовых интересов. Как аристократы (князья и бояре), так и служилая знать выступали за объединение страны под властью царя, и их устраивало происходившее слияние служилых держаний и аллодиальной собственности на землю, в чем все они находили для себя известные выгоды. Некоторые князья Рюриковичи, все еще составлявшие довольно сильные кланы, могли держаться за свой прежний удельный статус, но распространяющиеся все шире принципы делимости наследства, залогов и круговой поруки ставили препоны для частных инициатив на фоне все усложняющейся общественной структуры, а монополия на прибыльную службу спланивала вместе аристократию и служилую знать⁴.

Было высказано предположение из области более высоких материй о том, что, хотя в русской политической культуре не существовали институциональные границы царской власти, она была окружена

неосязаемыми, но определенными нравственными и религиозными запретами, признаваемыми как царем, так и народом. Именно поэтому Иосиф Волоцкий мог одновременно настаивать на царских прерогативах и призывать народ к неповиновению несправедному царю, *царю-мучителю*⁵. На самом деле понятие сильного правителя не противоречит ограничению власти, ибо сильный правитель должен знать, как распорядиться властью, и уметь использовать «конституцию» в полной мере. Д. Роулэнд дает обобщенную характеристику русской политической культуры, в которой первой обязанностью царя является исполнение божьей воли в качестве посредника между Богом и своим народом, ответственного за его спасение. Если царь не исполняет этой обязанности, народ может отказать ему в верности. Право царя карать преступников ради их спасения ничем не ограничено. Правитель, который наделен властью казнить, должен быть *грозным*, то есть внушать ужас и трепет, и, если нужно, прибегать к жестокости⁶.

В то же время правление основывается на консенсусе, а не на образовании группировок, выступающих за проведение мер, выгодных тем или иным слоям или классам. Лояльность подданных обеспечивалась не столько политическим курсом, сколько верой в то, что царь есть истинный пастырь своего народа.

Дело еще в том, что мы склонны преувеличивать объем полномочий, которыми располагал абсолютный монарх в средние века. Власть королей могла быть абсолютной, то есть *soluta a legibus*, не ограниченной законами, принятыми ими же или их предшественниками. Но административный ресурс был куда слабее, чем современный, и в такой обширной стране, как Россия, когда главным средством транспорта была лошадь, контролировать деятельность каждого из подданных правительству было не под силу.

На протяжении своего царствования Иван с большим или меньшим успехом преследовал определенные политические цели. Одна из них заключалась в том, чтобы ослабить влияние и сократить вотчины удельных князей, причем такую политику энергично проводил уже Василий III. Было ясно также, что сохраняется традиционное согласие между царем и аристократией, заинтересованной в объединении разрозненных княжеств и областей, которые были столь схожи друг с другом. Не вызывает сомнения тот факт, что, хотя выпады Ивана не носили систематического характера и были продиктованы его личной ненавистью

и недоверием к отдельным князьям и боярам, они резко сократили возможную угрозу его власти со стороны немногих оставшихся могущественных Рюриковичей и внесли раскол в их ряды. Несмотря на то, что главной мишенью царя были, по всей видимости, князья, он стремился обуздать и богатое боярство, а путем постоянной перетасовки земель, которые то причислялись к опричнине, то выводились из нее, Иван препятствовал формированию местных союзов между аристократией и ее потенциальными вооруженными сторонниками. Кандидатов на трон было не так уж много, поскольку знатные семейства Гедиминовичей не представляли серьезной опасности и соответственно могли пользоваться большей свободой. Зато обрусевшие потомки литовского рода Патрикеевых, а также Оболенские, Шуйские и особенно Воротынские, как и, разумеется, двоюродный брат Ивана Владимир Старицкий были обезврежены или истреблены.

Политика централизации или, лучше сказать, воссоединения не означала, что Иван пытался учредить органы централизованного управления, подконтрольные центральному правительству и центральной бюрократии, ибо не доставало грамотных кадров, а также правовых основ, необходимых для их подготовки. Эта политика заключалась в повсеместном насаждении представления о едином высшем и безоговорочном законодательном авторитете, многообразно проявляющем себя и наделяющем своих платных и добровольных агентов в разных слоях общества функциями отправления правосудия, сбора поступлений и обороны, часто с использованием системы поруки. В этом собирании земель Иван IV был более удачлив, чем многие его современники в Европе⁷. В России был один свод законов (Судебник 1550 года), общая денежная единица, одна вера, единый набор мер и весов, один язык и общее военное командование. Были, правда, и *terrae irredentae**, территории Киевской Руси, находившиеся под управлением Польши-Литвы, в то время как Россия начала присоединять к себе земли, населенные представителями других народов и вер, хотя это и не меняло ее национальную основу.

За тридцать четыре года, прошедшие после венчания Ивана на царство, ему удалось в несколько раз расширить территорию, принадлежащую России, путем завоевания Казани и Астрахани и отод-

* Отторгнутые земли (лат.).

вигания границы заселенных и защищенных земель на юге. Продвижение в Сибирь из Северо-Восточной Руси с целью добычи мехов и соли было частным делом семьи Строгановых. По мере проникновения организованных ею торговых экспедиций в бассейн реки Оби возникала необходимость сопровождать их вооруженными отрядами, которые возглавлял наполовину ратник, наполовину разбойник казак Ермак. Ермак выступил в поход в 1582 году в качестве самостоятельного искателя приключений и, подобно многим испанским конкистадорам, действовал поначалу весьма успешно, пока не погиб в стычке с воинами Сибирского ханства. После этого государство взяло дело покорения Сибири в свои руки, и началось планомерное освоение западно-сибирских земель.

За двадцать семь лет почти непрерывных войн в царствование Ивана русское войско подверглось реформированию, а его снабжение постоянно улучшалось, невзирая на затраты и напряжение всех сил населения. Поражает быстрое разрастание сети укрепленных городов и крепостей, часто заселявшихся казаками и образовавшими тщательно обустроенные и прочерченные рубежи обороны от разбойничьих набегов крымцев⁸.

В то же время результаты хозяйственной политики Ивана, который стремился вытянуть как можно больше средств из населения, особенно крестьян, для оплаты своих войн, опричнины, строительства укреплений на юге, были явно негативными. *Посошные* сборы на мирные цели выросли в период с 1505 по 1584 год в денежном выражении с 2,16 рубля до 6 рублей, а на военные цели — с 3,07 до 38,45 рубля в год⁹.

Экономический кризис, разразившийся в последние годы правления Ивана, затронул в равной степени и сельское хозяйство, и торговлю. Хорошо известно, что, вступив на престол, царь принял центральные и северо-восточные области России в цветущем состоянии, оставил же он их в 80-е годы на грани полного разорения. В ходе своего первого посещения Хью*Ченслер описывал местность между Ярославлем и Москвой как изобилующую *«маленькими деревушками, которые так полны народа, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеяна хлебом, который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что это кажется удивительным.*

* Ричард.

*Каждое утро вы можете встретить от семисот до восьмисот са-ней, едущих туда с хлебом, а некоторые с рыбой»*¹⁰. Все иностранцы отмечали невероятную дешевизну и изобилие снеди в стране. Войны, стихийные бедствия, голод и мор, крымские набеги, поборы, рост поместной системы, лишавшей крестьян земли, изменение системы оплаты службы помещиков, переведенных с государственного жалования на самостоятельную эксплуатацию земель, обязанность выставять вооруженных конных холопов на военную службу и опричное разорение за двадцать пять лет довели страну до крайности, так что у нее не было ни людей, ни средств для продолжения Ливонской войны. Цифры ошеломляют: в 1585 году в окрестностях Пскова было более 85 процентов заброшенных хозяйств, а в окрестностях Новгорода эта цифра достигает 97 процентов. В Приокском крае количество покинутых домов доходило до 95 процентов. Монастырские земли пострадали не меньше, чем поместья и аллодиальные владения. Жители постепенно бежали на берега Северной Двины, на восток в сибирскую тайгу или на юг в *дикое поле*, то есть в степь, отделявшую Россию от территории Крыма¹¹. Многие уходили в новые крепости на юге, другие бежали на Волгу или в Сибирь. Невозможность содержания поместий для конного ополчения по мере оскудения ресурсов рабочей силы неизбежно вела к учащению изъятий из права крестьян на переход и в дальнейшем к их закрепощению.

Произвол и жестокость царствования Ивана в сочетании с разрушительной практикой опричнины могли только отдалить торжество государственной идеи, размежевание между царской властью и собственностью и публичной властью и собственностью, а также развитие государственных учреждений. Постольку, поскольку Иван олицетворял в своем лице государство, существование независимых политических или общественных учреждений было исключено¹². В этом отношении абсолютная власть царей отличалась от абсолютной власти западных правителей, так как монарх в католической Европе был связан законами, ограничивавшими его сферу действия, поэтому там могли зародиться независимые институты¹³.

Этим объясняется, почему такое учреждение, как земский собор, не могло набрать силу в России и стать выразителем гласа народа, не говоря уже о представительстве отдельных социальных слоев — называть их классами было бы неправомерно. Русские историки немало

содействовали внесению путаницы в вопрос о наличии в России XVI века политических институтов, потому что они используют понятия, не совсем соответствующие тем социальным явлениям, которые они пытаются описать. Современные историки, в частности Р.Г. Скрынников, часто говорят о существовании в России шестнадцатого столетия «*аристократических корпораций*», и можно подумать, что это были ассоциации, координировавшие действия юридически оформленных структур и авторитетов. В России таких организаций не было, поэтому они не могли и быть представленными в политических учреждениях. Земский собор оставался неизбираемым и созываемым от случая к случаю органом до тех пор, пока перед русским обществом в 1598 году не встала неотвратимая проблема пресечения династии и не возникла необходимость выработки политической процедуры, чтобы узаконить порядок престолонаследия. Для этого можно было опереться на зарекомендовавшую себя практику Речи Посполитой и Священной Римской империи¹⁴. Эта процедура оказалась достаточно пригодной, чтобы в условиях Смутного времени обеспечить прецедент для деятельности будущего Собора 1613 года. Равным образом изображение Боярской думы как представительного учреждения и элемента «*законодательной структуры*» (многие современные авторы, посещавшие Россию, и сегодняшние русские историки называют ее «*парламентом*») ошибочно, поскольку царская Дума включала в себя выходцев из разных «*сословий*» и ее задачей было не представительство интересов сословия, а выработка рекомендаций для царя.

Царствование Ивана было периодом политического экспериментирования в России, причем царь пытался сначала найти средства ведения политического диалога с народом, созывая по тем или иным поводам разного рода совещания, то подражающие церковным соборам, то восходящие к вечевым традициям. Некоторые административные и юридические полномочия были передоверены представителям провинциальной элиты. Эпоха экспериментов закончилась опричным деспотизмом, причем бояре и служилая знать воспользовались возможностью, открытой перед ними Иваном в 1566 году, чтобы вступить с царем в диалог, но им не удалось сделать его постоянным. Таким образом, правление Ивана помешало развитию политических учреждений в России и замедлило их рост. Правительство осталось тождественным с двором, а *государство* — с *государем*.

Можно сказать, наконец, что способ проведения внешней политики, практиковавшийся Иваном, замедлил вступление России на равных в систему европейских государств. Неприятие культурных и интеллектуальных достижений эпохи Ренессанса и Реформации и отказ от изучения латыни или европейских языков вне стен *приказов*, то есть правительственных учреждений, ставили проведение международных переговоров в зависимость от чужеземных посредников. Напор английских участников Московской компании компенсировал в переговорах с Англией языковую слабость России. И Дженкинсон, и Горсей, по-видимому, овладели разговорным русским. На русском языке говорили, несомненно, многие менее высокопоставленные члены английской колонии. Наличие переводчиков с немецкого также облегчало взаимоотношения со Священной Римской империей, но другие сферы российской дипломатии в правление Ивана IV развивались урывками. В качестве наследия времен Византии сохранялись контакты с Востоком и татарским миром, а также с Османской империей и Балканами. Однако война на Балтике открыла перед русской дипломатией на Западе новые горизонты, причем царские приказы не всегда были на высоте в силу незнания исторической и этнической географии Европы и тех дипломатических правил латинского мира, которые были сформулированы к этому времени. Центральным вопросом внешней политики Ивана было признание его царского титула, но не в качестве подтверждения тезиса о *translatio imperii*¹⁵, игравшего весьма незначительную роль в понимании царем его имперской власти. Это понимание было ограниченным и ориентированным на Запад, на обретение равного с западным императором статуса, и не подразумевало главенства над другими народами¹⁶. Все более настойчивое подчеркивание происхождения от Пруса, легендарного брата императора Августа, позволяло продлить русскую историю в прошлое и было связано с притязаниями царя на одинаковый статус с императором Священной Римской империи. Иван чванился своим мнимым происхождением от немцев вовсе не затем, чтобы показать, что он чужой в своей стране, но лишь в качестве доказательства принадлежности ему Ливонии как части вотчины, унаследованной от Рюрика, который, в свою очередь, был потомком Пруса. *Немец* (немой) вовсе не обязательно был германцем. Немцы из Португалии открыли Америку. Представление Ивана об «империи» не включает в себя идеи подчинения других народов, оно чисто династическое, основанное на переходе власти по наследству¹⁷.

Однако дипломатии Ивана мешала его мания величия, его презрение к ненаследственным государям (например, шведскому и датскому королям, а затем к Стефану Баторию) и к тем державам, чьи правители не были «суверенами» и должны были, как Елизавета I, прислушиваться к мнению своих подданных. Кроме того, царь хотел, чтобы к нему слали «великие» посольства; сам он не проявлял инициативы и ждал, что другие будут обхаживать его. Это относится прежде всего к переговорам о наследовании престола Речи Посполитой, которые оставляют впечатление, что Иван на самом деле не хотел получить польскую корону, предвидя трудности с установлением своей власти в стране с совершенно иной политической структурой и неоднородной в религиозном отношении. Однако и стремление добиваться этой короны для младшего сына не было у него достаточно твердым. В целом русская дипломатия страдала от плохого знакомства с внешним миром и его обычаями и от незнания языков.

Сочетание царского деспотизма, бедствий войны, духовного упадка и опустошения страны, вызванного опричниной, также послужило тормозом и даже препятствием для усвоения Россией тех умственных и духовных достижений, которыми была ознаменована эпоха Ренессанса, Реформации и Контрреформации на Западе. Весь период с 1453 по 1598 год был отмечен брожением умов в России, на которую падение Константинополя подействовало куда сильнее, чем на западноевропейцев, как и продолжающееся нашествие османских турок и ислама в дунайские страны — хотя их продвижение отчасти уравнивалось взятием Казани. Это событие имело серьезные духовные и политические последствия для страны, только что освободившейся из-под ига Золотой Орды.

В то же время дипломатические сношения со Священной Римской империей и дунайскими княжествами, хотя последние и оказались в вассальной зависимости от османов, сближали Россию с европейской культурой. Правда, долгие годы упорного противостояния на Балтике — с 1558 по 1582 гг. — сопровождавшегося террором внутри страны, отняли у России духовную и умственную энергию, необходимую для широкого взаимодействия с развивающейся западной культурой и технологией. Имеющиеся моральные и материальные ресурсы, пригодные для подпитки культурного роста, были сконцентрированы в рамках православной традиции. Россия никак не была

связана с европейской интеллектуальной средой; ей были чужды университеты и школы, число которых в Западной Европе и даже в Новом Свете постоянно множилось и преподавание в которых было основано на латинском языке.

Ни государство в лице Ивана IV, ни Церковь, международный авторитет которой был несколько подорван тем, что ее духовная столица оказалась в руках неверных, и которая все еще придерживалась представлений о божественной природе правителя, не могли мириться с проблесками самостоятельной мысли. При этом знакомство с различными богословскими течениями, процветавшими под знаком протестантской Реформации, было весьма поверхностным. С протестантами русские сталкивались в Англии, Швеции, Ливонии и отчасти в Польско-Литовском государстве, где им противостояли и католики, причем главным политическим и конфессиональным соперником оставалась римская церковь¹⁸. Англиканство рассматривалось как разновидность лютеранской веры. Много толковали о спорах между Яном Рокитой и Иваном IV о лютеранстве и между последним и Поссевино о католицизме, но пора признать, что все эти прения не отличались особенно высоким интеллектуальным уровнем¹⁹.

Парадоксальным образом тем аспектом ренессансной культуры, который преобладал при дворе Ивана и культивировался благодаря его паранойе, был оккультизм, основанный на занятиях алхимией, магией, в сочетании с некоторыми элементами карнавального опрокидывания порядка, известными и в других странах, а в России практиковавшимися *скоморохами*, бродячими артистами, сурово осуждавшимися православной церковью. В иллюстрированной летописи XVI века, *Лицевом своде*, содержится перевод «Романа об Александре» с миниатюрой, изображающей мудрого египетского царя Нектанеба с его волшебным жезлом. От него на самом деле Олимпия и родила Александра Великого, от которого соответственно произошел Прус, основатель династии Рюриковичей²⁰.

Один из интеллектуальных и моральных компонентов, воплотивших в себе дух средневековья на Западе, идеал рыцарства, остался вполне чуждым России²¹.

Сколь бы показным он ни выглядел на фоне беспощадных средневековых войн и крестовых походов, этот идеал процветал в придворной среде и способствовал постепенному совершенствованию манер и правил поведения в масштабах всей Европы и, в частности, возрастанию роли образованных женщин в обществе. Как ни парадоксально, однако, но иногда

обнаруживают сходство между опричниками и рыцарскими орденами²². Возможно, более оправданной была бы параллель с военными орденами Испании, хотя, кто знает, не послужил ли для них прообразом основанный венгерским королем, а впоследствии императором Сигизмундом в конце XIV века орден Дракона, членом которого стал Влад Цепеш Дракула I*.

Последним ударом, который Иван нанес стране, было разрушение династии путем политического устранения его двоюродного брата Владимира и одного из его сыновей и случайного убийства своего бездетного старшего сына, а ведь в ту эпоху династическая преемственность была главным залогом процветания и стабильности. Катастрофу несколько отсрочило восшествие на престол младшего сына Ивана Федора, но после того, как в 1598 году он умер бездетным, впервые состоялось избрание нового царя. Видя, как на его трон вступает выборный царь, Иван должен был перевернуться в гробу²³.

Но сколь бы опасным ни было появление на сцене первого Лжедмитрия, его последствия не были бы столь тяжкими для России, если бы в это время не умер Борис Годунов или если бы его сын был уже достаточно взрослым, чтобы взять бразды правления в свои руки.

Остается вопрос о значении царствования Ивана с точки зрения духовного и нравственного состояния русского народа. В начале своего правления юный Иван демонстрировал некоторые многообещающие качества, присущие молодым воинственным королям и правителям Запада, — Генриху V, Иоанну Бесстрашному, Карлу VIII, на первом этапе — Генриху VIII**, но этот период продлился лишь до завоевания Казани. В 1550-е годы царь выказал многие качества проницательного и благоразумного государя и предпринял ряд конструктивных шагов. В 1560 году разразилась семейная трагедия, которая сопровождалась, вероятно, первым серьезным приступом мании преследования, полностью расстроившим психическое равновесие молодого еще царя. Жестокость и садизм, от которых пострадала сначала правящая верхушка, в дальнейшем кругами стали распространяться по всей России, выливаясь в разнузданные оргии, всплески насилия и истязаний²⁴.

* Чаще о нем говорят как о Владе III.

** Генрих V (1413 — 1422, р. в 1387), английский король, успешно воевавший во Франции в последний период Столетней войны, в том числе и с Иоанном (Жаном) Бесстрашным, герцогом Бургундским (1404 — 1419, р. в 1371). Карл VIII — очевидно, речь идет о французском короле (1483 — 1498, р. в 1470), совершившем поход на Неаполь; Генрих VIII, английский король (1509 — 1547, р. в 1491), отец Елизаветы I.

Не стоит забывать о царившей на Западе и на Востоке христианского мира одержимости адом и адскими мучениями, грозившими осужденным. Это было время Иеронимуса Босха, иллюстраций Боттичелли к Дантову «Аду» и бесконечных изображений самых изобретательных и тяжких пыток, доступных для человеческого ума. Ими украшались церковные стены и иконы как в католической, так и в православной Европе. Народное творчество сопровождало эти сцены черным юмором²⁵. Помимо адских мук, во многих странах на Востоке и на Западе орудием устрашения служили необыкновенно жестокие войны и действовавшие там системы наказания. *Chevauchees** Черного Принца во Франции во время Столетней войны, набеги *escorcheurs*** на службе у Людовика XI Французского, казни военнопленных в войнах Алой и Белой роз, ужасы англо-шотландских пограничных столкновений, походов в Ирландию красноречиво свидетельствуют о разгуле жестокости, который усиливался религиозными разногласиями, опирающимися на всеобщую веру в то, что борьба идет за вечное спасение. Достаточно напомнить о кострах римской и испанской инквизиции, о правлении герцога Альбы в Нидерландах, о казнях католиков и еретиков в Англии, о сожжении Савонаролы, Мигеля Сервета и Джордано Бруно, о Варфоломеевской ночи, о свирепом подавлении Благодатного паломничества при Генрихе VIII и восстания северных графств при Елизавете I²⁶.

Подобная нравственная атмосфера не могла не способствовать затягиванию страны в гнилую и смрадную трясику страха и подозрительности. Даже не прибегая к часто необъективным описаниям России XVI века, составленным западными авторами, и ограничив круг своих источников Синодиками и летописями²⁷, читатель, хорошо знакомый с кошмарами XX века, не может не ужаснуться тому количеству мужчин, женщин и детей («*чьи имена известны только Господу*»), которые были принесены в жертву демону страха царя-параноика. Сознательно насаждаемые им как в земщине, так и в опричнине или при дворе настроения страха и подозрительности способствовали развитию практики доносительства, неотъемлемой от системы *круговой поруки*²⁸. Эта обстановка отбрасывает свою мрачную тень на политику, проводившуюся царем.

* Кавалерийские рейды (фр.).

** 1315 Букв. живодеров (фр.), название разбойных банд.

Следует остановиться на тех последствиях, которые влекли людские потери в обществе, где представители элиты были тесно связаны между собой общим происхождением от основателя и брачными союзами²⁹. Мужчин убивали в бою или в застенке, казнили, женщин насиловали; многие гибли без покаяния, оставались непогребенными, их тела бросали на съедение собакам, их дети бесследно исчезали — какая же ненависть должна была накапливаться в обществе, где палачи и осужденные были так близки друг к другу и где ради выживания нужно было шагать по трупам своих товарищей и родственников. Для того, чтобы говорить о конкретных случаях, недостает данных, но некоторые предположения можно строить.

Например, Петр Басманов храбро сражался за царя Бориса Годунова до смерти последнего в 1605 году. То ли в силу предшествовавших разногласий, то ли из-за того, что он не забыл смерти своего отца Федора и своего деда Алексея от рук Малюты Скуратова, главного палача Ивана, на дочери которого, Марфе, был женат Годунов, Петр Басманов покинул юного царя Федора Борисовича и перешел на сторону Лжедмитрия I³⁰.

Князь Иван Михайлович Воротынский, сын Михаила Ивановича, победителя татар при их нападении на Москву в 1572 году, казненного в 1573, вполне мог снабдить сведениями о чудовищном разорении Новгорода дьяка Ивана Тимофеева, близкого к клану Воротынских³¹.

Насилие, воцарившееся повсеместно в Смутное время начала XVII века, уходило своими корнями в царствование Ивана IV³². Немногие люди высказывались в семнадцатом столетии так открыто и критически, как Иван Тимофеев, но его труд свидетельствует о том, что народ обо всем знал и ничего не забыл.

Здесь мы подходим к вопросу о причинах кровожадности Ивана и о том, почему народ терпел ее на протяжении всего этого долгого царствования. Прежде всего, оправданием для нее служила обязанность царя карать, на которой Иван всегда настаивал. Его многочисленные послания, наставления, записанные речи дают богатый материал для анализа, но следует признать, что все эти памятники его мысли и деятельности нельзя воспринимать некритически. Почти не вызывает сомнений, что сам царь не записывал свои длинные тирады, а диктовал их позднее неизвестным нам писцам, и сохранились они в основном в рукописных копиях. Что касается писем, составленных от имени четырех бояр в 1567 году, то они могли быть произведением служащих Посольского приказа³³.

Однако о личном секретариате, или скриптории Ивана, ничего не известно, кроме того, что такое учреждение должно было существовать, чтобы участвовать в организации и ведении военных действий, во внутреннем управлении и внешних сношениях, — всем этим по-прежнему занимался государев двор³⁴.

Склад ума составителя этих документов, используемые им выражения, набор пространных цитат из Библии и апокрифов, Великих Четьи Миней и других церковных источников, например, псевдоэпиграфов, достаточно единообразны, чтобы убедить читателя, что они не являются подделками XVII века. Невозможно представить себе, кто мог бы выступить вместо царя в роли закулисного автора писем четырех бояр 1567 года, в которых Иван говорит о себе, что он «*растлен умом*», или послания к литовскому князю А. Полубенскому от 9 июля 1577 года³⁵.

Высокомерие Ивана как наследственного монарха и его притязания на происхождение от брата императора Августа Пруса больше всего проявлялись в обращении с иностранными послами и другими государями. При этом следует принимать во внимание религиозную составляющую воззрений царя. Поразительно, насколько она пронизывает его послания, преследующие внешнеполитические цели. Основопологающим в понимании Иваном его роли как царя является представление о том, что на нем лежит забота о вечном спасении народа, за которое он должен ответить в Судный день, по-русски именуемый более впечатляюще — Страшным судом. Именно эта сторона деятельности царя волновала народ, который также хотел в царском суде почувствовать суд Божий.

Идею самодержавия Иван почерпнул не только из практики Восточной Римской империи, но и из Ветхого и Нового Заветов. Для того чтобы выработать стройную систему доводов, оправдывающих его из ряда вон выходящее понимание суверенных прав, Ивану потребовалось, вероятно, определенное время. Начальный этап этого процесса отражен в его первом послании князю Курбскому, где подчеркивается право царя казнить и миловать своих подданных, и уже обозначается тот ход мысли, который привел царя к выводу, что он окружен изменой. Этот вывод был основан на убеждении о предательских действиях бояр, выразившихся в отказе многих из них присягать в 1553 году его сыну Дмитрию, в очевидном отравлении Анастасии, в недовольстве бояр беспутствами и разгульным поведением царя после смерти жены, что завершилось

бегством Курбского. В первом послании Курбскому Иван формулирует также свои претензии к Сильвестру и Адашеву и снова оправдывает себя, обвиняя их в предательстве и посягательствах на его власть³⁶.

Садизм и жестокость режима, установленного Иваном IV и его заплечных дел мастерами, получали дополнительное обоснование благодаря религиозному подтексту и символике, которыми были насыщены его маниакальные проявления. Таубе и Крузе подробно описывают ритуал, введенный Иваном в Александровской слободе и пародирующий монашеский устав; царь играл в нем главную роль, но мы не знаем, как долго это продлилось³⁷.

К этому времени Иван уже ввел опричнину, что облегчало ему проведение репрессий. Он был единственным хозяином в своем уделе, но сам этот удел служил орудием для подавления и удержания в своей власти всей страны. Опричнину невозможно больше считать средством проведения определенной политики (например, централизации) и борьбы *против* чего-то или кого-то, она была средством борьбы *за* что-то. Такая точка зрения была впервые выдвинута В. Кобриным, который утверждал, что Иван боролся за безграничную власть, за полную, деспотическую власть над подданными³⁸. Тут многое зависит от содержания, которое вкладывается в понятия *самодержавие* и *самовластье*.

Самодержавие, обычно неправильно переводимое на европейские языки как «автократия», в то время не имело отношения к официальному царскому титулу. Здесь также уместно привести слова австрийского посла Принца из Бухова. Перечислив все территории, на которых царствует Иван и которыми он управляет, Принц из Бухова добавляет: *«К этому титулу он часто прибавляет название монарха [monarchae], что на русском языке, который, как греческий, в сложениях весьма счастлив, очень удачно переводится словом самодержец [samoderzetz], так сказать, который один держит правление»*. Символом великого князя Ивана Васильевича, продолжает Принц из Бухова, было: *«Я никому не подвластен, разве Христу, Сыну Божию»*³⁹. Значение слова «самовластье» ближе к произволу и к «свободной воле» в богословском смысле, например, Иван утверждает, что даже в саду Эдема люди не обладали самовластьем, потому что там был по меньшей мере один запрет: отведать плод с дерева познания добра и зла. Тем не менее Иван стремился именно к самовластью, желая получить «безграничную власть».

Присцилла Хант выдвинула предположение, что самооправдание Ивана основывалось на понятии священности царской власти, выработанном после венчания на царство в 1547 году. Это было официальное «*богословие премудрости*», которое давало Ивану возможность эксплуатировать двоякий «*образ Христа*» на Земле в двух ипостасях, божественной и человеческой, причем божественная природа постепенно вбирала в себя человеческую. Указанная теория позволяла ему совершать любые жестокости, выступая в роли христианского правителя, очищающего мир от греха. Она была удобна тем, что служила противовесом мании преследования, время от времени охватывавшей царя, и помогала оправдывать крайние меры как самозащиту. В качестве государя Иван стоял над прочими людьми не только потому, что он был царем, но и потому, что был подобен самому Богу. Таким образом, введение опричнины не может быть объяснено действием объективных политических и социальных причин.

Присцилла Хант указала корни некоторых конкретных воззрений Ивана в своем исследовании источника, кажущегося особенно многообещающим, а именно Великих Четьи Миней, составленных митрополитом Макарием. Наряду с прочим в них содержится трактат «О небесной иерархии» Псевдо-Дионисия Ареопагита и, кстати, Послание Филофея о Третьем Риме, а также повесть о Варлааме и Иоасафе. Другими источниками представлений Ивана о своей роли являются Откровения, апокрифы, славянская книга тайн Еноха (2-я книга Еноха) и иконография того периода, ибо царь есть одновременно Господь сил и архангел Михаил, высший судия, орудие очистительного разрушения⁴⁰.

В понимании Ивана две ипостаси — человеческая и божественная — соединены, что противоречит теории Агапита о существовании двух раздельных природ и примыкает к идее Ареопагита о слиянии двух природ воедино с помощью покаяния и молитв о даровании благодати⁴¹. Этой последней особенностью православной духовности объясняется характер очень многих высказываний Ивана по религиозным вопросам. Преувеличенно изображая свои прегрешения, что в средние века было общим местом, в послании к игумену Белозерского монастыря 1573 года и в длинном вступлении к завещанию, написанному летом 1572 или 1579 года⁴², Иван упивается раскаянием, которое относится не к совершенным им жестокостям, а к таким, осуждаемым Церковью грехам, как богохульство, блуд, *скоморошьи* забавы зеркального мира. Покаяние было необходимым предварительным условием для наказания тех, кто изменил царю.

Уже во время похода на Казань молодой царь более охотно примерял на себя роль духовного лидера, чем полководца, выстаивая церковные службы и следуя поступающим издалека предписаниям митрополита Макария. Нам слишком мало известно об его участии в сражениях, чтобы судить о его поведении, но у нас есть сведения об участии Ивана в одной из главных кампаний Ливонской войны, с помощью которых мы можем восстановить ее духовную составляющую. Царь не претендовал на лавры военачальника и мало участвовал в боевых действиях. Зато он нес ответственность за нравственную чистоту войска, находящегося под его командованием, и его постоянная забота об этом выражалась в доставке мощей и приглашении волхвов. Подобная же озабоченность духовной стороной дела заметна во время взятия Казани и победоносной кампании 1562/1563 года, увенчавшейся отвоеванием Полоцка и более подробно описанной в летописях по сравнению со всеми прочими войнами Ивана. Существует предположение, что Ивана подстегивало распространение в Полоцке лютеранства, против которого он должен был выступить как православный царь.

Сила натиска Ивана на Полоцк отражена в религиозной риторике летописей и в сохранившихся военных документах. Главную духовную задачу крестового похода Ивана символизировало строительство в Полоцке собора Святой Софии, третьего собора с таким названием в России после Киева и Новгорода. К сожалению, и Хант, и Богатырев говорят о проведении символических аналогий между *«государем и государством»* в рамках разработанной Иваном идеологии, подчеркивавшей сходство правителя со вторым лицом Троицы. Но допустить наличие такого объективного понятия, как *«государство»*, в представлениях Ивана о взаимоотношениях правителя и управляемых, очень трудно. Физически и духовно он был един со своим царством, и это слияние являлось более тесным, чем при часто приписываемом ему патримониализме*. Царь соединял в себе божественное и человеческое начала, что позволяло ему с помощью божественного насилия заниматься очищением мира от греха. Он был воплощением упомянутого единства, которое освящало любые его поступки и ставило наряду с Господом⁴³.

* В данном контексте под патримониализмом, вероятно, имеется в виду управление страной как своей вотчиной.

Такого рода самоотожествление Ивана с идеей священного насилия способствовало укоренению в нем веры в очистительную силу его жестокости и помогало царю оправдывать садизм, превращавший жизнь его подданных в ад, отыскивая в этом садизме божественное начало. Это была очистительная практика, потребная для избавления от греха самого царя и его народа. Подобная мысль многократно проводится в первом послании Курбскому: *«Если ты, по твоим словам, праведен и благочестив, то почему же испугался безвинно погибнуть? ... На это уж воля господня, если придется пострадать, творя добро*. Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивого владыки, пострадать и заслужить венец вечной жизни?»*⁴⁴

Твердое убеждение Ивана в том, что Богом на него возложен долг награждать и наказывать своих подданных, заставляло и их воспринимать покорность Богом избранному царю как святую обязанность, и относиться к его приговорам, как к приговорам Страшного суда.

Власть царя распоряжаться судьбами подданных не была божественной, но Иван пытался уподобиться Богу. Его царствование — трагедия шекспировского размаха⁴⁵. Жестокость Ивана была бессмысленной, и, как писал Иван Тимофеев: *«Всякое место от рук убивающих до того наполнилось телами мертвых, что не было возможности пожрать их трупы всяческим животным, по земле рыскающим, и в водах плавающим, и по воздуху летающим, так как они были сыты выше меры...»*. Ключевский, говоря об этой стороне деятельности царя, сравнивал его с Самсоном, обрушившим на себя колонны храма в Газе⁴⁶. Но князь Курбский и Тимофеев (как и я) видят в нем Люцифера, духа утренней звезды, возжаждавшего стать Богом и изгнанного с небес:⁴⁷

Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю,
попиравший народы...

А говорил в сердце своем: «Взойду на небо, выше звезд
Божиих вознесу престол мой...

Взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему»
Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней...

Исайя 14: 12 — 15

* То есть, пострадать из благочестивых побуждений, здесь — ради верноподданнического долга.